

XVI — начала XVII веков представляют для историков среды социальной практики и изменений в макро-культурных структурах раннего Нового времени.

Синтетические сложны представлены статьями М. А. Морозова и Л. А. Симоновой, Н. С. Горелой анализирует жест преданный чудо-мощам Святой Девы Марии в Сайдибае — память, воспоминание как первое для западноевропейской литературы «изложение» Святую Землю.

Статьи П. А. Григорьева и И. Н. Михайловой посвящены славянским и западноевропейским «доказательством» социальной приблизимости. Рядом публикаций продолжает традиция предшествующего сборника. В. Кравецкая осуществил перевод знаменитого труда «Наследия Альбрехта фон Нойена» — личности политики и исторической мысли второй половины XVI века. Материалы, относящиеся к первоначальному контексту, самодержавной титулования и аката, публикуются С. Е. Соколовым, видимо, первой письмо задуманной им присоединительной аннотации к статье 158–1648 годов.

«Каждое существо имеет на земле свое место, а каждое место — свое существо». Установленный ими макро-контекстом изучение текста и цикла синтаксиса показывает, что именно это предположение о центральности места, местного и локального, определяло характер материала исследований макро- и локальных исторических единиц, а также гендерную специфику изложенного в книге.

Г. Е. Лебедева, В. А. Якубский

А. Д. Люблинская и кафедра истории Средних веков ЛГУ 1940–1950-х годов

Столетие со дня рождения Александры Дмитриевны Люблинской (1.V. 1902 г. ст. ст. — 22.I.1980) — историка Божьей милостью, блистательного исследователя и педагога, чья жизнь была прочно связана с Ленинградским университетом, с его кафедрой истории Средних веков — хороший повод, чтобы еще раз вернуться к вопросу о том, какое место принадлежит АД (воспользуемся аббревиатурой, вошедшей в обиход еще при ее жизни) и ее поколению в истории отечественной медиевистики.

Об этом уже было немало написано в прошлые годы. Совсем недавно под грифом РНБ и петербургского филиала Института российской истории РАН вышла книга «Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки»¹, посвященная памяти А. Д. и В. С. Люблинских. Собранные там публикации, воспоминания, исследования впервые с такой полнотой осветили многогранную деятельность четы Люблинских, олицетворявшей собой неразрывную — несмотря на все политические разломы XX века — связь послеоктябрьской историографии с традициями русской науки XIX — начала XX вв. Больше того, эти материалы в какой-то мере воссоздают общую картину интеллектуальной жизни страны на протяжении десятилетий.

Тем не менее ряд моментов в творческой биографии АД все еще изучен недостаточно. Обращаться к ним заставляет не один только историографический интерес. Оглядываясь на не столь отдаленное прошлое отечественной науки, все мы таким способом прежде всего пытаемся разобраться в происходящем в ней сегодня. Вольность, внезапно прияя на смену долго царившему в медиевистике, как и в прочих отраслях исторической науки, строгому, почти казарменному режиму, принесла с собой кружавшие голову идеи, броскую

фразеологию — и соблазн не оставить камня на камне от еще недавно казавшихся незыблемыми ценностей. Чтобы сориентироваться в этой сумятице, осмыслить современное положение дел, трезво взвесив все приобретения и потери, следует обратиться к опыту предшественников.

Если под этим углом зрения взглянуть на то, чем жила кафедра истории Средних веков ЛГУ в послевоенную пору и в годы хрущевской оттепели и как происходившие тогда в стране события преломлялись в кафедральных стенах, то едва ли кто-нибудь из наших медиевистов больше подойдет на роль знаковой фигуры, чем АД. Еще в предвоенные годы ведя занятия на истфаке ЛГУ и защитив там в декабре 1940 г. кандидатскую диссертацию, она после войны, в 1946 г., продолжая работать в Публичной библиотеке, стала доцентом кафедры истории Средних веков. С конца 1949 г. вынужденно расставшись с Публичкой, с близким ее сердцу Отделом рукописей, АД — с 1953 г. профессор, в 1955–1960 гг. заведующая кафедрой — сконцентрировала свою энергию и умение на учебных и прочих университетских делах. О степени вовлеченности ее в научно-педагогическую работу можно судить хотя бы по отчетам с длинным перечислением выполненных обязанностей: она читала общие и специальные лекционные курсы, руководила дипломантами и аспирантами, вела семинарские занятия, курировала студенческий научный кружок и т. д. Параллельно с этим в 1951 г. ею была защищена докторская диссертация. АД выступала с докладами, статьями, рецензиями, участвовала в дискуссиях. За эти годы ею выпущены два капитальных труда — «Источниковедение истории Средних веков» (1955) и «Франция в начале XVII в. (1610–1620 гг.)» (1959 г.). Проще говоря, мало что делялось на кафедре без ее активного и заинтересованного участия.

Не берясь писать хронику тех дней, коснемся лишь некоторых моментов, связанных с научной и педагогической деятельностью АД, как представляется, во многомозвучных заботам нынешним.

Одним из самых дискуссионных, как известно, остается вопрос об отношении к советской историографии 40–50-х годов XX в., идет ли речь о науке в целом, о медиевистике или об отдельных ученых, в оценках преобладают крайности: либо отмечаются лишь одни сплошные успехи, либо марксистская методология вместе с полученными на ее основе результатами предаются анафеме. В последнее же время стала популярной практика простого умолчания о марксизме-ленинизме, как будто его и не было. Это особенно бросается в глаза при переизданиях доперестроочных работ, когда совершенствование текста сводится, главным образом, к изъятию упоминаний о классиках марксизма.

Такая практика рикошетом задела и АД. В 1983 г. ее ученики, прослеживая творческий путь своей наставницы, писали о том, как она с позиций историка-марксиста определяла классовую природу французского «дворянства мантии», как прилагала к конкретному историческому материалу взгляды классиков марксизма-ленинизма на мануфактурный этап в развитии капитализма и т. д. Сделав явную уступку политкорректности — опустив имя И. В. Сталина, авторы писали: «Со свойственными ей трудолюбием и методичностью она читала и конспектировала труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина не выборочно, а сочинение за сочинением, том за томом»². Однако в 2001 г. при перепечатке статьи в упомянутом выше сборнике «Западноевропейская культура...» все подобного рода пассажи попали под сокращение.

Правка задним числом, даже продиктованная добрыми намерениями, не изменит того факта, что АД читала и конспектировала труды основоположников марксизма, опиралась на сталинские цитаты, сопровождая их соответствующими эпитетами...

Собственно говоря, у нее, как у всех советских историков, здесь вообще не было выбора. В межвоенные десятилетия, при всей их свирепости, еще сохранялись — пусть их можно было пересчитать по пальцам — ученые, открыто называвшие себя не-марксистами. Со смертью И. М. Грэвса и Д. М. Петрушевского таких реликтов прошлого, пожалуй, больше не остается. В те годы искренние или вынужденные похвалы марксистско-ленинскому учению, вкупе с неизменным цитированием Сталина, конечно, вовсе не гарантировали историку спокойной жизни. Но не соблюдать такой ритуал мог только самоубийца.

Не надо забывать, что А. Д. и В. С. Люблинские принадлежали к тому слою отечественной интеллигенции, к которому новая власть относилась крайне настороженно. Все послереволюционные годы их положение было шатким, постоянно напоминало о себе неподходящее социальное происхождение. Круг их друзей и знакомых выглядел с точки зрения соответствующих органов весьма подозрительно. В 1927 г. супруги были арестованы — правда, вскоре их выпустили. В 1929 г. В. С. Люблинский провел почти два месяца в тюрьме. Если после войны дела у беспартийной четы Люблинских, казалось, повернулись в лучшую сторону (она и он занимали видные должности в Публичной библиотеке и т. д.), то прокатившиеся по стране одна за другой идеологические кампании вновь расставили все по своим местам. В 1949 г. В. С. Люблинский был вынужден уйти из Публички «по собственному желанию», вслед за тем его уволили из Института им. Репина. Он на годы лишился постоянного заработка, и были опасения, что на том беды не кончатся. АД тоже выжили из Публичной

библиотеки. Еще ранее того над ней нависла угроза увольнения из университета.

Истфаку — впрочем, не только ему одному — 1949 год достался особенно трудно. К репрессивным мероприятиям всесоюзного масштаба присоединились отзвуки «Ленинградского дела». Ради искоренения космополитизма, буржуазного объективизма и прочих пороков по учреждениям создавались аттестационные комиссии, которые работали в тесном контакте с так называемыми органами, собирая доносы и любой компромат. Все преподаватели были обязаны пройти переаттестацию. К медиевистам комиссия исторического факультета проявила повышенный интерес — как свидетельствует окончивший университет в 1950 г. А. Х. Горфункель, кафедра истории Средних веков была «одной из сильнейших на тогдашнем истфаке (зато и наиболее гонимой, бывшей на постоянном подозрении у партийного начальства)»³. К тому времени резкой критике за идеологические грехи подвергли О. Л. Вайнштейна, вскоре он лишился партбилета. Тень ареста нависла над М. А. Гуковским. К доценту А. Д. Люблинской, которая по неписаной табели о рангах шла среди кафедральных медиевистов-западников сразу за этими двумя профессорами, у комиссии тоже было много претензий. Уцелела она только чудом.

Участники этих событий потом неохотно предавались воспоминаниям. Но от О. Л. Вайнштейна и О. Е. Ивановой, тоже прошедших через жернова переаттестации, доводилось слышать следующую историю.

Комиссия, собрав нужные бумаги, опросив ряд сотрудников и побеседовав с самой АД, решила, что той не место в университете. Был заготовлен проект соответствующего приказа. Однако за нее вступились М. В. Левченко и В. И. Рутенбург, достаточно авторитетные члены партии иуважаемые сотрудники Ленинградского отделения Института истории АН (на истфаке оба работали по совместительству). Насколько известно, в разговоре с членами комиссии они, ничего не оспаривая, дипломатично напирали на то, что АД некем заменить, а ее провинности не столь тяжки и она учит критику. Голос их был услышен, черновик приказа выбросили в корзину.

Окончательный текст заключения аттестационной комиссии гласил: «А. Д. Люблинская — один из ведущих сотрудников кафедры истории Средних веков исторического факультета, крупный специалист в области источниковедения Средних веков и вспомогательных исторических дисциплин, а также в области средневековой истории Франции. Как руководитель практических занятий и семинаров пользуется авторитетом среди студентов.

В идейно-политическом отношении Люблинская за последние годы заметно выросла. Она проработала все выпущенные тома сочине-

ний И. В. Сталина и успешно ведет политинформации на двух группах 3 и 4 курсов. Она выступала неоднократно на теоретических конференциях. Очень ценными являются ее методические доклады. Однако уклон в сторону академизма еще не вполне изжит, в связи с чем в высказываниях Люблинской изредка встречаются ошибки объективистского характера. Награждена медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”. Своей должности соответствует.

Рекомендовать усилить работу над основными методологическими проблемами и принимать более активное участие в общественно-политической жизни факультета.

Председатель аттестационной комиссии Корнатовский
Секретарь Анисимова»⁴.

В том, что дело закончилось столь нетипично для тех дней, помимо прочих моментов, роль сыграла, по-видимому, своевременность вмешательства: приказ об увольнении был перехвачен на стадии подготовки и потому ничего не пришлось отменять — достаточно было слегка подредактировать еще не подписанный протокол заседания аттестационной комиссии. Вот за изгнанного из Публички В. С. Люблинского заступил не кто-нибудь, а чуть ли не самый знаменитый из советских историков, академик Е. В. Тарле⁵. Тем не менее он ничего не добился. Изменить уже принятые и оформленные решение, заставить партийно-бюрократическую машину дать задний ход было не под силу даже трижды лауреату Сталинской премии.

К слову сказать, личные отношения у Митрофана Васильевича Левченко с АД были достаточно сложными, случались разногласия у АД и с Виктором Ивановичем Рутенбургом. Но оба сочли своим долгом помочь коллеге, хотя знали, что, повернувшись по-другому, им не избежать больших неприятностей по партийной линии.

Таким образом, АД осталась на историческом факультете ЛГУ. Но она могла быть уверенной, что, как и прежде, партбюро не спускает с нее глаз. Ничего удивительного, если бы в таких обстоятельствах она стала прибегать к спасительным цитатам из «Краткого курса» и т. п. Так поступали самые почтенные ученые — к примеру, Б. А. Романов⁶. К подобной тактике обращался и В. С. Люблинский, который по свойственному ему скептическому складу ума не был склонен всерьез воспринимать шумиху вокруг очередных, сразу объявляемых гениальными, сталинских произведений.

Однако есть ли основания думать, что частные реверансы в сторону того же «Краткого курса» либо брошюр Сталина о вопросах языкоznания и об экономических проблемах социализма в СССР носили у АД лишь внешний, декоративный характер? Слишком настойчиво

она говорила и писала о значении этих трудов, вставляя цитаты из классиков там, где в этом не было прямой нужды, слишком активно осуждала «идейные ошибки» умерших и здравствующих историков, когда от нее никто этого не требовал. Те же интонации звучали у нее и в неофициальных разговорах. Даже наедине с собой ее мысль сохраняла ту же тональность. Свидетель тому — ее личный экземпляр второго выпуска сборника «Средние века», приобретенный, судя по владельческой помете, в ноябре 1946 г., вскоре после выхода книги из печати, и несущий следы внимательного чтения.

Напомним: в этом, первом повоенном выпуске сборника Е. А. Косминский и другие авторы попытались очистить память академика Д. М. Петрушевского от грубых обвинений, каким ученый подвергался при жизни. В тогдашних условиях сделать это можно было только одним способом, показав, что Петрушевский не так уж был далек от марксизма и что его научное наследие не противоречит (или хотя бы не сильно противоречит) принятым в советской историографии схемам. Бдительное идеологическое начальство быстро разгадало умысел составителей сборника, и последовал суровый окрик. Сейчас не установить, когда АД читала сборник с карандашом в руке — до или после официального осуждения книги. Но отреагировала она на «Средние века» в том же духе.

Сделанные ее бисерным почерком пометы на полях статьи В. Ф. Семенова «Восстание Уота Тайлера в исторической литературе и концепция Д. М. Петрушевского» (статьи, по правде говоря, малоудачной, но продиктованной благими намерениями) свидетельствуют о возмущении читательницы попыткой как-то затушевать «ярко выраженные, — по словам АД, — антимарксистские взгляды П[етрушевского]». Конечный вердикт таков: «порочность статьи заключается в том, что, вместо того, чтобы показать, как борьба с марксизмом испортила «Восстание Уота Тайлера» в 3-изд., всеми силами доказывается, что П[етрушевский] боролся с марксизмом вообще, а не на м[атериале] «Восст. У. Т.». Как видим, ни по смыслу, ни по лексике тирада не отличается от стандартных речений той поры, а кривить душой тут у АД, как будто, не было причин.

Не первый год историография задается вопросом, как могло случиться, что ученые, в частности, таланте, эрудиции которых нет сомнений, искренне восхищались довольно примитивными, а то и просто взятыми с потолка утверждениями, находя глубокий смысл даже в четвертой главе «Краткого курса». Бесполезно, должно быть, искать универсальное, всеобъемлющее объяснение причин охватившего ученое сообщество массового психоза и его индивидуальных проявлений. Многое зависело от психического склада людей.

Заслуживает внимания — и больше всего, думается, соответствует случаю с АД — подход к вопросу, ставящий акцент на том, как

человек по натуре цельный, не склонный к паллиативам и компромиссам и в то же время импульсивный реагировал на дилемму, которую — сознавал он это или нет — ставила перед ним жизнь. Либо он поверит, что в текстах основоположников марксизма-ленинизма (в текстах четвертого из них — в первую очередь) скрыт глубочайший, простым смертным трудно постигаемый смысл, либо осознает себя шарлатаном, который выдает за последнее слово науки те примитивные сочинения, где идеи марксизма XIX века приспособливались к зигзагам внутренней и внешней политики советских властей. Где-то на уровне подсознания выбрав первый из вариантов и подавив сомнения, ученые — пусть на время — обретали душевное равновесие. Впрочем, разбираясь здесь во всех тонкостях надлежит скорее психоанализику, чем историографу.

Как бы то ни было, АД, даже внушив себе, что (коль употребить здесь гегельянскую формулу) все действительное — разумно, даже в течение какого-то времени воспринимая исторический процесс сквозь призму марксизма в его сталинской интерпретации, тем не менее не утратила ни способности, ни вкуса к научному анализу и синтезу.

Себя она считала марксистом — и была им. Усиленнее всего штудировала «Капитал», особенно главы о формах земельной ренты, о так называемом первоначальном накоплении. Глубину своих знаний она продемонстрировала, став — вместе с В. В. Штокмар — слушательницей «Университета марксизма-ленинизма» (посещение коего вменялось в обязанность преподавателям, в первую очередь — беспартийным). С присущей ей в таких случаях непримиримостью АД вступала в спор со специалистами-политэкономами о трактовке тех или иных положений Маркса и обычно выходила победительницей.

Об искренности ее увлечения марксизмом, о сопутствующих тому обстоятельствах выразительно и, по-видимому, точно сказано Л. М. Баткиным в очерке «Начинающий медиевист из провинции — в гостях у Люблинских». При всех привходящих моментах, напоминает мемуарист, тому «способствовали огромное обаяние и глубина мысли Маркса, которые известны каждому, кто действительно вчитывался в его труды, а не просто огульно бранит его по нынешней наглой (и, по сути, тоже чисто советской) моде»⁷.

Высоко ценила научную теорию, АД в то же время уверяла социологические и политико-экономические абстракции историческими реалиями. За отвлеченными формулировками она умела видеть повседневные взаимоотношения людей далекого прошлого. И возмущалась, когда какой-нибудь автор жертвовал фактами ради красной схемы или путал, к примеру, русскую испольщину (о которой

говорится у Ленина) с использующей западноевропейской (роль кавказской в процессе проникновения буржуазных отношений в деревню анализировал Маркс).

Сама прибегая к цитатам из классиков, она не терпела, так сказать, многоэтажных построек — сооружения целых концепций с помощью нагромождаемых друг на друга цитат и вариаций на их тему. Прежде всего именно по этой причине АД презирала работы Б. Ф. Поршнева — как его монографию о народных движениях во Франции XVII в., которая удостоилась Сталинской премии, так и цикл теоретических статей 1948–1950-х гг., посвященных роли борьбы народных масс в развитии феодального общества и государства. Напечатанное ею по данному поводу не вместило и сотой доли того сарказма, который она обрушивала на голову Поршнева в лекциях и семинарских занятиях, приводя студентам примеры беспочвенных авторских спекуляций и недобросовестного истолкования источников. Не меньший гнев у нее вызывала появившаяся несколько позднее, в 1954 г., книга Ф. Я. Полянского «Экономическая история зарубежных стран: Эпоха феодализма», самоуверенное и поверхностное сочинение с массой фактических ошибок и концептуальных натяжек.

Критический разбор подобных книг и статей практиковался на семинарах и в студенческо-аспирантском научном кружке, которым долгие годы руководила АД. Там же она обсуждала краеугольные проблемы социальной истории Средневековья, добиваясь от участников понимания, в чем суть ведущихся дискуссий. Думаем, не зря значительное место при этом отводилось вопросу о механизме формационных сдвигов и его освещении в трудах Маркса — так, например, ставилась задача уяснить, каково было воздействие на процесс первоначального накопления, допустим, государственного долга.

В число настойчиво обсуждаемых тем входила проблема феодальной собственности. Любопытно, что в памяти тогдашней студентки такое обсуждение ассоциировалось с наступлением тяжких для факультета времен, с идеологическим прессингом, какой принесла с собой борьба с космополитизмом и прочие кампании конца 1940-х годов. «Стало меньше спецкурсов конкретно-исторического содержания, — вспоминает И. И. Фролова. — Зато... очень активно обсуждался вопрос о крестьянской собственности на землю при феодализме (с привлечением высказываний Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина)⁸. Времена, в самом деле, были скверные, однако партбюро на сей раз не вмешивалось и указаний изучать отношения феодальной собственности не давало. Инициатива принадлежала АД, считавшей (полагаем, небезосновательно), что каверзные вопросы, над которыми издавна бились, так до сих пор и не приядя к согласию, поколения

правоведов и историков, — разграничение собственности и держания в Средневековье, разделение права собственности по ступеням феодальной иерархии, — принципиально важны для медиевиста.

Почему занятия такой специфической, насыщенной латынью материей могли запомниться как производное от идеологического прессинга? Привкус последнего, очевидно, давал себя знать на каждом шагу, везде — в том числе на семинаре по феодальной собственности. Нормальное, если можно так выразиться, чтение и анализ фрагментов из средневековых сочинений порой уступали место толкованию имевших хотя бы отдаленное отношение к предмету высказываний классиков марксизма-ленинизма. В конце концов, такое толкование по-своему тоже небесполезно. У Маркса и тут встречаются будящие мысль соображения. Беда заключалась в том, что жестко установленные правила игры предписывали руководителю семинара и всем его участникам воспринимать слова основоположников как сакральный текст. Те же доктринальные рамки действовали, само собой разумеется, и вне семинара.

Казус с оценкой семинара по феодальной собственности лишний раз напоминает, насколько бывает условна проводимая — даже ретроспективно — граница между идеями классического марксизма и их советскими модификациями, между тем и другим, с одной стороны, и традиционной медиевистикой, с другой. Филиация идей всегда прослеживается с трудом. Провести же разграничительные линии в научном наследии АД, которая сочетала (иногда — весьма продуктивно, иногда — с немалыми издержками) традиции своих учителей — И. М. Грэвса, Л. П. Карсавина, О. А. Добиаш-Рождественской с марксистскими постулатами старого и нового образца, тем более сложно. Представляется, что и Л. М. Баткин, больше других занимавшийся вопросом о методологической эволюции АД, не избежал упрощений.

Так, ее резкие возражения против преувеличения роли «внеэкономического принуждения» в феодальном обществе он ставит в один ряд с подчеркиванием ею исторической роли личной свободы западноевропейских крестьян⁹, считая, что в этих вопросах исследовательница заметно разошлась с принятой в тогдашней советской науке системой рассуждений. Что касается личной свободы средневековых крестьян, то АД, бесспорно, была далека от присущей русским марксистам привычки по неведению либо в пропагандистском азарте отождествлять европейский феодализм с отечественным крепостничеством, знакомым по сочинениям Салтыкова-Щедрина и других писателей. До абсурда эту линию довел Stalin, открыв «революцию крепостных», якобы ликвидировавшую феодализм. По формационным аспектам такого рода АД в 1940-х — первой половине 50-х гг.

по понятным причинам предпочитала не высказываться. Однако не уставала напоминать своим ученикам о глубоких различиях в аграрном развитии России и Западной Европы, о том, что не годится воображать себе жизнь средневековой французской деревни на манер «Поншонской старины».

В отношении же «внешэкономического принуждения» она на рубеже 1940–1950-х гг. несколько отошла от трактовки проблемы, даваемой Марксом и Энгельсом. Возможно, к этому ее привели собственные размышления. Но отхода от общепринятых в советской историографии позиций здесь не было. Не было потому, что наши историки уже приняли к руководству новейшее указание товарища Сталина: «Внешэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю»¹⁰.

Л. М. Баткин вполне отдает себе отчет в том, что «хотя раздумья АД и двигались все-таки в тесном русле готовых политэкономических схем, интеллектуальная ситуация выглядит... не так уж просто»¹¹. И все-таки в его эмоционально окрашенный рассказ о встречах и переписке с АД, наряду с убедительными соображениями, вторгается тезис, который, на наш взгляд, сильно искажает всю историографическую перспективу. «Не случайно, — утверждает он, — АД написала первый русский вузовский специальный учебник по источниковедению Средних веков. И ее совершенно невозможно представить в роли создателя — неизбежно грубо-идеологического — советского учебника по медиевистической историографии (т. е. на месте О. Л. Вайнштейна)»¹².

Эффектное противопоставление построено на песке. Л. М. Баткин, познакомившийся с АД в 1954 г., должно быть, спроектировал свои позднейшие впечатления на годы, когда создавалось «Источниковедение истории Средних веков» (книга вышла в 1955 г., но путь рукописи в печать был долг). Тогда же, в послевоенную пору, принципиальных расхождений у АД с О. Л. Вайнштейном, насколько мы можем судить, не было заметно.

И вообще, стоит ли демонизировать фигуру Осипа Львовича Вайнштейна? Это он, на протяжении полутора десятилетий руководя кафедрой, привлекал к работе на ней И. М. Грэвса, О. А. Добиаш-Рождественскую, да и саму АД. Глубокую веру в догмы марксизма-ленинизма он сочетал с обширной эрудицией. В отличие от многих коллег-историографов, Вайнштейн не только ругательски ругал, в духе того времени, труды буржуазных историков, но и читал их, а на стенах в кабинете истории Средних веков при нем висели портреты Гизо и Фюстель де Куланжа. Его «Историография Средних веков» (М.; Л., 1940) сейчас устарела. Однако по тем временам она была

отнюдь не плоха. Судьба же ее сложилась неудачно: ее (вместе с автором) поочередно били то за космополитизм, то за догматизм.

Да, Л. М. Баткин прав: АД не писала учебника по историографии. Но с начала 1950-х годов читала лекции по этому предмету, заменив О. Л. Вайнштейна, после исключения из партии отправленного в Среднюю Азию растить национальные медиевистические кадры. Читала в том же ключе, что ее предшественник. Документально подтвердить это затруднительно, зато есть стенограммы ее публичных выступлений. Есть рецензии тех лет. Можно, впрочем, обойтись без них — достаточно обратиться к тому самому «Источниковедению», которое так категорически противопоставлено вайнштейновской «Историографии».

Труд А. Д. Люблинской, до сих пор не имеющий себе равных, содержит ряд историографических экскурсов. Лет через десять с лишним после выхода книги Вайнштейн, с большой похвалой отзывавшихся о ней, все же упрекнет АД за «смешение задач источниковедческого и историографического анализа повествовательных источников»¹³. С упреком согласиться трудно. Но показательно, что сам подход источниковеда к буржуазной историографии у него возражений не вызвал. А подход этот, к сожалению, стандартен. Автором «Источниковедения» нелегко было аттестоваться «реакционные историки... Фюстель де Куланж и его последователи». Вслед за Е. В. Гутновой, был изобличен «австро-американский историк Штейн», который вознамерился «дискредитировать Салическую правду как источник, блестящее подтверждающий основные положения марксизма-ленинизма о роли общины-марки»¹⁴ и т. п.

Честь и хвала АД, которая сумела постепенно выбраться из идеологического тумана. Это удалось не всем. К примеру, О. Л. Вайнштейн до конца своих дней не смог или не захотел расстаться с иллюзиями, и его последняя книга — «Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв.» (Л., 1979) — производит особенно грустное впечатление.

Противопоставлять «Источниковедение истории Средних веков» вайнштейновской «Историографии», повторим еще раз, нет причин. Но это не умаляет достоинств книги АД. И не мешает «Источниковедению» быть по-своему примечательным памятником исторической мысли, для нашей темы особенно важным. Поэтому остановимся на нем несколько подробней.

Здесь АД, естественно, в ряде вопросов (классификация источников, признание документального материала более достоверным, чем нарратив, и т. п.) опиралась на опыт науки XIX — начала XX вв., в который внесли свой вклад и историки петербургской школы — А. С. Лаппо-Данилевский, Л. П. Карсавин и др. Больше всего АД как

источниковед была обязана О. А. Добиаш-Рождественской. Взаимоотношения их довольно подробно освещены в литературе, о своей наставнице прочно рассказала сама АД. Потому, не вдаваясь в детали, отметим только, что при работе над «Источниковедением» она имела перед глазами рукопись (точнее — машинопись) очерка О. А. Добиаш-Рождественской на ту же тему. Невольно напрашивается их сопоставление.

Написанный в середине 1930-х годов (и опубликованный лишь в 1987 г. Б. С. Кагановичем¹⁵) небольшой по объему — 3 печатных листа, — этот очерк, с одной стороны, демонстрирует широту кругозора и эрудицию автора, который, не ограничиваясь информацией о различных категориях письменных памятников, давал сведения о методике работы с ними, об истории их изучения и публикации. С другой — он аморфен, изложение в нем фрагментарно и бессистемно, отсутствует единая типология.

Складывается впечатление, что недостатки очерка О. А. Добиаш-Рождественской, столь заметные на фоне четко, по строго продуманному плану выстроенного «Источниковедения» АД, были в значительной мере обусловлены состоянием отечественной медиевистики тех лет, не предрасположенной к источниковедческому синтезу. Все еще не была преодолена растерянность перед лицом произошедших в стране и науке перемен. Ученые ощущали, что даже в такой далекой от политики и идеологии сфере, как вспомогательные исторические дисциплины, не годится механически воспроизводить схемы XIX века, а новые подходы к предмету только-только начинали вырисовываться.

АД принадлежала уже к новому, не только по году рождения, поколению медиевистов, которое было готово с новых позиций подойти к осмысливанию многовекового культурно-исторического процесса. Готовность питалась отчасти действительными успехами советской историографии, отчасти внушаемым на каждом шагу представлением о всесилии марксистско-ленинской методологии, позволяющей справиться с любой задачей.

Понятно было, что в рамках такого осмысливания не обойтись без обобщающего труда по источниковедению. Но даже оптимистов отпугивала чрезмерная трудность и заведомая неблагодарность предприятия: при всем старании тут было не избежать спорных решений тех или иных вопросов и, следовательно, критики, которая в те годы очень легко перерастала в погром. Должно быть, не случайно, что за реализацию проекта взялась именно АД.

У нее за плечами была практика работы с рукописями Публичной библиотеки, многолетний опыт чтения лекционного курса по источниковедению в Институте философии, литературы и истории, а за-

тем в университете, с которым слили этот институт. Многие из ее статей были посвящены источниковедческой тематике. Тем не менее очень скоро АД убедилась, что работа еще труднее, чем она думала.

Сложностей добавило Министерство высшего образования, без чьего одобрения учебному пособию была закрыта дорога в печать. Оно поставило условием, что объем книги не должен превышать установленного лимита, и одновременно потребовало охватить в «Источниковедении» все регионы Европы, включая Византию, славянские и балканские страны.

АД пришлось пожертвовать рядом запланированных ею разделов. Так, с явным сожалением она объясняла в предисловии, что «включение в курс источниковедения произведений художественной и научной литературы Средневековья в целом не представляется возможным, так как это чрезмерно увеличило бы его объем». Включены были лишь эпос, народные песни и сказания — автор тут прикрылся не очень вразумительной, но производящей впечатление мотивированной: изучение их «помогает понять историю народных масс эпохи феодализма»¹⁶.

О византийских манускриптах — слишком своеобразных и меньше всего ей знакомых, АД сама не стала писать. Главы о Византии были поручены Е. Э. Гранстрем. Что касается прочих европейских регионов, до Скандинавии и Балкан включительно, то АД положилась на свои знания и на литературу, понимая вместе с тем необходимость регулярных обращений к специалистам. Начиная с первых, черновых редакций, главы будущей книги поочередно поступали в обкатку — их читали коллеги, и потом автор терпеливо выслушивал все соображения. Параллельно с этим Министерство вместе с издательством ЛГУ, где печаталась книга, привлекали своих рецензентов, которые тоже вносили, как выражался В. И. Рутенбург, рабочие предложения.

Далеко не все из вносимых дружеских или официальных рекомендаций бывали приняты: у АД имелась собственная, четко ею разработанная концепция, свое представление о структуре труда, о принципах отбора и формах подачи материала. Но дельные советы — исходили они от доктора наук или начинающего историка — она всегда ценила. По ее же словам, ей, например, очень помогли замечания В. М. Алексеева, в те времена — аспиранта, готовившего под руководством АД диссертацию по аграрной истории позднефеодальной Чехии, и учившейся у нас студентки из Венгрии Веры Бачай (которая вскоре станет видной участницей Венгерской революции 1956 года).

Так что в консультациях, обсуждениях, спорах по поводу «Источниковедения» участвовали все члены кафедры, ряд сотрудников из других учреждений — и не только ленинградских. Свой отзыв прислал

А. И. Неусыхин. Обсуждение рукописи состоялось на кафедре истории Средних веков Московского государственного университета. В послевоенной кафедральной практике это был, пожалуй, самый масштабный и в конечном итоге удачный случай научного сотрудничества.

Учебное пособие 1955 г. выросло из лекционного курса. Однако сильно ошибается тот, кто попробует по книге составить себе представление о лекциях, которые АД читала не одному поколению студентов. Дело не только в ином охвате и расположении материала, не в том, что свободная, живая речь лектора уступила место достаточно формализованному изложению и т. п. Главное — изменился угол зрения, под которым рассматривался материал.

Следуя за О. А. Добиаш-Рождественской, АД концентрировала внимание слушателей на том, что «Германия» Тацита, Салическая правда и иные знаменитые памятники входили в научный оборот, как шло их изучение и публикация, как, наконец, в ходе этого процесса учеными совершенствовались, оттачивались приемы внешней и внутренней критики источника. Как раз всего этого в книге почти не осталось. Читатель находит главным образом информацию об источниковом массиве разных периодов Средневековья и разных стран. О мастерстве исследователей, чьими трудами она, эта информация, была получена, книга говорит чрезвычайно скромно.

Такой подход соответствовал требованиям Министерства. Начальственное мнение о том, каким надлежит быть учебному пособию по источниковедению, авторитетно озвучили Е. В. Гутнова и А. П. Каждан: «Работа должна отвечать двум основным требованиям. Во-первых, она должна содержать необходимые сведения о наиболее важных источниках по истории средневековой Европы, показывая их достоинства и недостатки для исторического исследования по тем или иным вопросам. Во-вторых, в книге такого рода должна быть дана научная систематизация источниковедческих данных с позиций марксистско-ленинской исторической науки»¹⁷. Поневоле подчиняясь диктату, АД все же несколько иначе расставила акценты. Главная цель учебного пособия, по ее словам, заключается «в выяснении закономерности появления и развития тех или иных видов исторических источников в тесной связи с общим ходом развития стран Европы в эпоху феодализма, а также в определении, что именно дает тот или иной источник историку-исследователю»¹⁸. К основному тексту книги ею были приложены два кратких обзора — «Очерк по истории издания средневековых источников» и «Рукописные источники по истории Средних веков в СССР».

Все же важнейшая, по убеждению АД, задача курса источниковедения — приобщение студентов к исследовательскому опыту нашей

науки, ознакомление их хотя бы с азами работы источниковеда — в итоге оказалась, к сожалению, отодвинутой в книге на задний план. В этом отношении «Источниковедение истории Средних веков» заметно уступает, пусть не во всем удачному, очерку, который подготовила еще в середине 1930-х годов О. А. Добиаш-Рождественская. Автор книги сам это сознавал.

Однако на особенности книги 1955 г. можно взглянуть и по-другому, задав себе вопрос: а что могло — в условиях идеологической цензуры конца 1940 — начала 1950-х гг. — получиться из учебного пособия, где речь шла бы о победах и поражениях западноевропейских источниковедов, большинство из которых по своей классовой принадлежности и по политическим взглядам нисколько не отвечало советским представлениям о прогрессивном ученом? Неутешительный ответ подсказывают публикации тех лет — книги, статьи, рецензии историографического и источниковедческого характера (вместе с содержащимися в самом «Источниковедении» историографическими экскурсами). Невольно приходит мысль, что вынужденное невнимание автора к таким принципиально важным моментам, как история источниковедческих штудий и развитие источниковедческой техники, в известном смысле пошли книге на пользу, обеспечив ей завидное долголетие.

Препирательства с Министерством и издательством попортили АД немало крови. Все же она осталась довольна своей книгой, хотя уже тогда, в середине 1950-х годов, в известной мере отдавала себе отчет о наличии в ней уязвимых мест и понимала, какими причинами они обусловлены. Встретив в иностранной рецензии на «Источниковедение» упрек в том, что его автор отсылает читателей к устаревшим публикациям источников, тогда как существуют новые, отвечающие современным требованиям науки их издания, она лишь грустно посмеялась над наивностью рецензента, которому не приходила в голову простая мысль: об одних из этих новых изданий в СССР даже не слыхали, а другие все равно было не найти ни в одной из библиотек Ленинграда и Москвы.

Если к претензии иностранца АД отнеслась снисходительно, то не скрывала своего раздражения, когда по тому же поводу ее поучали советские медиевисты, которые не хуже нее должны были бы знать состояние наших книгохранилищ и порядки в них. Так, Е. В. Гутнова с А. П. Кажданом сочли возможным упрекнуть книгу в том, что «ссылки даются в основном на издания XIX в., новейшие издания, часто более критичные и научные, указаны не всегда»¹⁹.

Казалось бы, не так уж много воды утекло с тех пор, как АД вела занятия на истфаке ЛГУ. Между тем восстановить даже хронологическую канву событий, не говоря уж о выяснении сопутствующих им обстоятельств, оказывается порой непросто.

Повод для разногласий дает, например, такой вроде бы самый простой вопрос: В какие годы АД возглавляла кафедру истории Средних веков? «Даты жизни», которые помещены в неоднократно упоминаемом нами сборнике 2001 г., посвященном памяти А. Д. и В. С. Люблинских, уверенно отвечают: с 1953 по 1957 гг.²⁰. Превосходно, близко знавшая АД Елена Викторовна Бернадская безусловно права, когда в помещенных там же «Воспоминаниях и размышлениях об Александре Дмитриевне Люблинской» пишет о том, что «годы заведования кафедрой истории Средних веков ЛГУ... были очень плодотворными». Но память, очевидно, подвела мемуаристку, и она называет все те же даты: 1953–1957²¹.

На самом деле, как уже говорилось выше, АД была поставлена во главе кафедры в начале 1955 г. Назначению на опустевшее со смертью М. В. Левченко место предшествовали трудно сейчас восстановимые закулисные переговоры. Администрацию и партбюро, очевидно, смущали анкетные данные АД. Была попытка подыскать более подходящего кандидата за пределами университета, но затем все же обратились к ней. И покинула она кафедру не в 1957 г., а года два спустя — в начале 1960 г. Тогда в высших учебных заведениях было настрого запрещено совместительство. АД пришлось выбирать между университетом и Ленинградским отделением Института истории (где она работала с 1957 г.). Выбор был сделан в пользу второго. Эпизод этот, кстати, по-своему тоже характерен для АД и ее отношения к делу. Всегда пунктуальная, не привыкшая откладывать выполнение даже неприятной для нее обязанности, она сразу подала заявление об уходе из ЛГУ. Зато сменивший ее на кафедре М. А. Гуковский показал гораздо более глубокое понимание административного менеджмента: при назначении на должность он пообещал уволиться из Эрмитажа, где заведовал библиотекой, но, совершив правильно рассуждив, что кампания по борьбе с совместительством обязательно заглохнет, не торопился с увольнением, а в ректорате вскоре перестали об этом даже спрашивать.

Некоторое время АД еще вела спецкурсы, будучи почасовиком (1960–1963 гг.). Ее «Личное дело» в университете было окончательно закрыто 1 июля 1963 г.

Если по поводу информации подобного рода теперь бывают разногласия, то не удивительно, что еще больше неясных, спорных моментов возникает при попытках истолковать, понять суть наблюдавшихся в нашей науке XX в. сложных, противоречивых явлений, где причудливо переплетаются между собой политика, историософия, так называемый человеческий фактор и проч. Обращение к научному наследию А. Д. Люблинской, к событиям из жизни кафедры истории Средних веков ЛГУ 1940–1950-х годов еще раз убеждает, на-

сколько слабо изучена недавняя история нашей медиевистики, как много в ней остается непростительных пробелов.

Примечания

¹ Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки / Под ред. Л. И. Киселевой. СПб., 2001.

² Бернадская Е. В., Киселева Л. И., Малинин Ю. П., Сомов В. А. Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980) // Средние века. Вып. 46. М., 1983. С. 293.

³ Горфункель А. Х. Сочинение на запретную тему // СПб Университет. 1996. № 7. С. 17.

⁴ Архив СПбГУ, дело 602, л. 43. Рядом с документом в «Личном деле» А. Д. Люблинской подшита характеристика, которая в апреле 1950 г. поступила в университет из Публичной библиотеки. К образу АД она едва ли способна что-либо добавить, но хорошо передает общую атмосферу того времени:

«Любинская А. Д. работала в Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в должностях главного библиотекаря Рукописного отдела с 1934 по 1941 г. и с 1943 по 1.Х.1945, а с 1.Х по 1.Х.1946 — зам. директора по научной части. Как специалист по западной палеографии т. Люблинская занималась организацией иностранных рукописных фондов и руководила двумя помощниками, готовя их на смену для себя. С 1 октября 1946 г. работала в Библиотеке по совместительству 0,5 рабочего дня.

Любинская работала не в полную меру своих сил и знаний, уклонялась от ответственных поручений, не принимала активного участия в научной, производственной, общественной жизни.

Директор М. Медведев
Пред. Месткома Тишина
(Архив СПбГУ, д. 602, л. 44)

⁵ См.: Каганович Б. С. Е. В. Тарле и А. Д. Люблинская (по материалам переписки) // Западноевропейская культура. С. 56–58; Вахтина П. Л. В. С. Люблинский в Публичной библиотеке // Там же. С. 86–89.

⁶ См.: Панеях В. И. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 432–433.

⁷ Баткин Л. М. Начинающий медиевист из провинции — в гостях у Люблинских // Западноевропейская культура. С. 121.

⁸ Фролова И. И. Немного из воспоминаний // Там же. С. 153.

⁹ Баткин Л. М. Указ. соч. С. 112–113.

¹⁰ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 41.

¹¹ Баткин Л. М. Указ. соч. С. 113.

¹² Там же. С. 122. Выделено Л. М. Баткиным.

¹³ Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики: 1917–1966. Л., 1968. С. 175.

¹⁴ Люблинская А. Д. Источниковедение истории Средних веков. Л., 1955. С. 59–60.

¹⁵ Добиаш-Рождественская О. А. Источниковедение западного Средневековья // Она же. Культура западноевропейского средневековья: Научное наследие. М., 1987.

¹⁶ Люблинская А. Д. Источниковедение. С. 4.

¹⁷ Гутнова Е. В., Каждан А. П. Рец. на кн.: А. Д. Люблинская. Источниковедение... // Средние века. Вып. X. М., 1957. С. 232.

¹⁸ Люблинская А. Д. Источниковедение. С. 3.

¹⁹ Гутнова Е. В., Каждан А. П. Указ. соч. С. 229.

²⁰ Западноевропейская культура. С. 9.

²¹ Там же. С. 181.

Школа латинской палеографии в Санкт-Петербургском университете

Известно, что история пишется на основе фактов, извлеченных из источников. Нет необходимости доказывать важность их изучения, осуществляемого с помощью вспомогательных исторических дисциплин, таких как палеография и кодикология. Ушли в прошлое споры о значимости палеографии. Общепризнана ее роль и как вспомогательной дисциплины, обучающей умению читать, датировать, локализовывать рукописи, и как основной науки — истории письма, связанной с проблемами культуры и социального развития общества. В том же направлении развивается и кодикология, выделившаяся из палеографии, как дисциплина, изучающая codex, т. е. книгу, её изготовление, структуру, а также состав отдельных коллекций и формирование библиотек.

Овладение методами латинской палеографии, изучающей рукописи латинского алфавита (независимо от языка), для медиевистов нашей страны весьма важно, поскольку многочисленные источники, хранящиеся в библиотеках России, до сих пор остаются мало изученными. Речь идет о фондах западноевропейских рукописей и в первую очередь о фонде Российской национальной библиотеки, где насчитывается более 1000 средневековых рукописных книг и несколько тысяч документов. Начало создания фонда относится к 1805 году, когда Императорская публичная библиотека приобрела коллекцию П. П. Дубровского¹. В XIX в. русские ученыe почти не обращались к этому богатому фонду. Иностранные исследователи изредка приезжали в Россию и не могли уделять достаточного внимания его изучению.

Первой, кто в России серьезно и систематически начал исследовать фонд, была О. А. Добиаш-Рождественская (1874–1939)², ученица И. М. Грэвса, окончившая Высшие женские курсы в Петербурге,